
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

“НОВЫЕ СТАНСЫ К АВГУСТЕ” И. БРОДСКОГО: СООТНОШЕНИЕ БИОГРАФИЧЕСКОГО И МИФОПОЭТИЧЕСКОГО

© 2012 г. Н. Г. Медведева

В статье предлагается интерпретация названия стихотворного сборника как ключ к прочтению его глубинного мифопоэтического смысла.

The article interpretation of the title of the poems collection as a key to understanding its profound mythopoetic meaning.

Ключевые слова: мифопоэтический сюжет; семантика имени; стансы.

Key words: mythopoetic plot; semantic of name; stanzas.

*С уст твоих слетают времена года,
жизнь мою превращая, как леса и овраги, в эхо.*

И. Бродский

Поэтический сборник, который автор считал “до известной степени <...> главным делом” [1, с. 317] своей жизни, не раз становился объектом исследования. В частности, В. Семенов обратил внимание на сходство пейзажной техники Бродского и Пастернака, указав, что Бродский заимствует у последнего сюжет: переход лирического героя в природное пространство (лес) обуславливает изменение его мышления [2]. Заметим, что подобный сюжет вне всякого заимствования мог сложиться у поэта под прямым воздействием обстоятельств личной судьбы – высылки из Ленинграда и вынужденного пребывания в Архангельской области. Д. Макфадьен сопоставил “Новые стансы...” с их очевидным – байроновским – претекстом [3]. Однако, насколько нам известно, никто из писавших о “Новых стансах...” в размышлениях о специфике романтического мировидения поэтов не ставил вопроса о причинах или поводах обращения Бродского именно к Байрону (не столь ему и близкому): почему для адресата любовных посланий выбран псевдоним “Августа”? Ведь стансы, обращенные к женщине, есть и у других поэтов (например, в книге П. Ронсара “Любовь к Кассандре” – хотя, конечно, французская поэзия менее близка Бродскому, чем английская).

Не претендуя на полноту раскрытия темы, обратимся к выяснению семантики названия цикла (а тем самым – и в значительной мере – одноименной книги в целом). Как подчеркивал сам И. Бродский, “это сборник стихов за двадцать лет с одним, более или менее, адресатом” [1, с. 317].

Известно, что М.П. Басманова – биографический прототип этого адресата (М.Б.) – приезжала к Бродскому в Норенскую только в марте 1965 г. (и приезд этот носил весьма драматический характер), тогда как центральное стихотворение сборника, давшее ему название, датировано 8 сентября 1964 г. [4, с. 339, 337]. Налицо принципиальное, как мы полагаем, расхождение между фактами реальной биографии и построением лирического сюжета.

Наша гипотеза связана с одной из его возможных интерпретаций, у истоков которой – отношения между героем и его возлюбленной. Какое место она занимает в текстовом пространстве? Проще говоря, присутствует она там или отсутствует? На этот счет, полагаем, могут быть две точки зрения, и смысл обеих проясняется появлением *призрака* женщины в главе X:

*...призрак твой в сенях
шуршит и булькает водою
и улыбается звездой
в распахнутых рывком дверях.*

Во-первых, явление *призрака*, как свидетельствуют предшествующие главы, инициировано самим героем, побуждаемым желанием оживить в груди / памяти “всех призраков и мертвецов”: парадоксальным образом лишь они способны вернуть богооставленному пейзажу жизненное тепло. В таком случае “присутствие” героини в тексте, вызванное к жизни страстью и памятью, – лишь форма ее отсутствия. Именование героини

словом “призрак” в подобной ситуации (разлуки с возлюбленной) встречается в сборнике “Новые стансы к Августе” не раз. В стихотворении “Твой локон не свивается в кольцо” бабочка, присевшая на плечо героя, воспринимается им как “связующее легкое звено / меж образом и призраком твоим”. Тот же призрак “ответит эхом / последним воплям зуммера в ночи” (стихотворение “Как жаль, что тем, чем стало для меня...”). Он же, как можно полагать, оказывается вместе с героем в коляске во время воображаемого путешествия (“Einem alten Architekten in Rom”). С этим образом далекой возлюбленной связана сквозная для сборника тема разлуки и стремления ее преодолеть письменно или устно (мотивы почты, “письма в бутылке”, телефонного звонка и т.д.).

Однако текст подсказывает и иную версию развития ситуации, определяемую хронологией событий в текстовом пространстве. Да, как сказано в другом стихотворении, “звезда блесит, но ты далека”. И все же можно предположить, что *призрак* не вызван тоской героя по отсутствующей женщине, а “оставлен” ею самой после ухода, отъезда. Каковы аргументы, свидетельствующие в пользу такого предположения (несмотря на его явное противоречие известным биографическим обстоятельствам)?

В этой связи обратим внимание на еще один постоянный “сюжет” сборника: картины природы, из которой нечто ушло, оказалось утраченным (смысловым итогом развития этого “сюжета” и становится “богооставленность” окружающего героя мира).

Ветер оставил лес
и взлетел до небес,
оттолкнув облака
и белизну потолка.
И, как смерть холодна,
роща стоит одна...

Аналогичным образом строится стихотворение, в составе сборника предваряющее “Новые стансы...”:

Осенью из гнезда
уводит на юг звезда
певчих птиц поезда.
С позабытым яйцом
висит гнездо над крыльцом
с искаженным лицом...

Думается, эти тексты являются не только и не столько пейзажными зарисовками, сколько вполне очевидными метафорами определенного психологического состояния. Наиболее эксплицированно эта метафора представлена как раз в “Новых стансах...”, разворачиваясь в грандиозную пано-

раму опустевшего, разрушенного, безжизненного мироздания. Зная “переогромленность” (по выражению Л. Панн) поэзии Бродского темой любви, будем считать, что именно уход возлюбленной (как смерть Беатриче у Данте) оборачивается космической катастрофой. Аналогично приведенным выше пейзажным картинам, метафорой – уже не героя, но героини – представляется *птица*: “Все птицы улетели прочь” – также утверждение с двойным смыслом. Человек у Бродского одинок, потому что его “птица” покинула его. Такое определение возлюбленной содержится в “Прощальной оде” (январь 1964), не включенной в сборник, но обращенной к тому же адресату, что и “Новые стансы...”.

Не оставляй ее! Сбей с ее крыльев наледь!
Боже, продли ей жизнь, если не сроком – местом.
Ибо она как та птица, что гнезд не знает,
но высоко летит к ясным холмам небесным...

Сентябрьский вторник у Бродского становится началом апокалипсиса, мирный круговорот времен года – вселенской трагедией, кульминация которой заявлена с первых же строк: “Холодный небосвод разрушен”. Пейзаж составляют пустое поле, опустевшие деревни, погасшие огни, болото, погост; всюду сумерки, дождь, холод. “Самое абстрактное из всего, что я видел в жизни”, – говорит Бродский о своих впечатлениях от Норенской. И далее: “Человеку там делать нечего ни в качестве движущегося тела в пейзаже, ни в качестве зрителя. Потому что чего же он там увидит? И это колоссальное однообразие в итоге сообщает вам нечто о мире и о жизни” [1, с. 83]. В “Новых стансах...” выстраиваются цепочки семантических трансформаций, в которые вовлечены и природа, и человек. Деревенский пейзаж превращается в “ничью землю”, оборачивается “Небытием”:

Здесь на холмах, среди пустых небес,
среди дорог, ведущих только в лес,
жизнь отступает от самой себя
и смотрит с изумлением на формы,
шумящие вокруг...

Стремительность самого процесса опустошения мира, ухода из него света и тепла, разрушения тверди подчеркивается краткостью биографического времени: со вторника до четверга (“Бушует надо мной четверг”). При этом безжизненная жизнь, от которой остались лишь “формы”, продолжается с пугающей, зловещей интенсивностью: “срезанные стебли лезут вверх”, “как волосы на теле мертвом”, “хляби, окружив погост, / высасывают краску крестовины”, “корни / вцепляются в сапог”. Все это заставляет вспомнить сюрреа-

листическую, по выражению Бродского, поэтику Заболоцкого 1920–1930 гг. или такие его стихотворения, как “Вчера, о смерти размышляя...”:

Вчера, о смерти размышляя,
Ожесточилась вдруг душа моя.
Печальный день! Природа вековая
Из тьмы лесов смотрела на меня.

И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Все, все услышал я – и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мертвый крик.

И я, живой, скитался над полями,
Входил без страха в лес...

[5, с. 171]

Итогом этого стихотворения становится всепримиряющее единство природного и культурного; у Бродского же природа враждебна человеку (в отличие также от “Стансов” Байрона, где она сулила герою утешение): “впиталась сырость / мне в бороду”, “холод трясет” сердце, “ветер рвет из рук моих тепло”.

Природа расправляется с былым,
как водится. Но лик ее при этом,
пусть залитый закатным светом,
неволью делается злым.

Закономерно спросить, что же здесь обозначено как “былое”? Ответ, как представляется, может быть связан не только с метафизическими проблемами бытия, но и с лирическим сюжетом конкретного текста. “Точкой отсчета” этого сюжета в “Новых стансах...” становится первая же строка: “Во вторник начался сентябрь”. Следовательно, то, что предшествовало завязке, но осталось за порогом текста, формируя его смысл имплицитно, датировано *августом*.

Прежде чем приступить к анализу стихотворения, посмотрим, как “августовская” тема присутствует в русской поэтической традиции. «До января 96-го в русской поэзии был только один “Август” – пастернаковский» [6, с. 6], – полагает П. Вайль, по несомненной случайности не вспомнив стихотворения очень многих: В. Брюсова, К. Бальмонта, И. Анненского, Вяч. Иванова, М. Цветаевой, Н. Заболоцкого, А. Галича... (Одно из последних изданий на эту тему – посвященная памяти Ильи Тюриня антология “Август”, 2009).

“Судьбоносный страшный август”, – пишет Вайль, – стал прощанием с жизнью самого Бродского; его последнее стихотворение – “Август” – датировано январем 1996 г. [6, с. 6]. П. Вайль связывает его именно с стихотворением Пастернака. Напомним также, какую зловещую роль этому месяцу приписывала Ахматова, о чем вспоминают и мемуаристы, и сам Бродский в разговоре с

С. Волковым. В 1957 г. Ахматова сформулировала свое отношение к этому месяцу:

Он и праведный и лукавый,
И всех месяцев он страшней:
В каждом Августе, Боже правый,
Столько праздников и смертей.

Разрешенье вина и елеса...
Спас, Успение... Звездный свод!..
Вниз уводит, как та аллея,
Где остаток зари алеет,
В беспредельный туман и лед
Вверх, как лестница, он ведет...

[7, с. 63–64]

Как видим, смысловой доминантой стихотворного “портрета” августа у Ахматовой является двойственность его сути: в августе два двенадцатых праздника церковного года – Преображение (по-народному Спас) и Успение Божией Матери; но в русской поэзии тот же месяц – время скорби и прощания, августовский мартиролог включает имена А. Блока, Н. Гумилева, М. Волошина, М. Цветаевой... В своей трактовке “августа” Бродский продолжает Ахматову, развивая мысль о его (августа) амбивалентности: “Новые стансы...” органично сочетают темы утраты и обретения. Тем самым, думается, Бродский близок и Пушкину, с максимальной полнотой воплотившему единство противоположных аспектов бытия¹.

“Когда-то, в середине 60-х, август у Бродского фигурировал – дважды – как месяц ласточек и крыш. Но затем приобрел вес и значение. Август попал – обернувшись женским именем, в заглавие единственной в русской литературе книги, все стихотворения которой посвящены одной женщине”, – отмечал Вайль [6, с. 6]. Нельзя сказать, что писавшие о “Новых стансах...” исследователи вообще не обратили внимания на фигурирующий в тексте календарь. Так, Евг. Келебай называет стихотворения книги “августейшими посланиями” (каламбур показателен, хотя неточен по смыслу) [9, с. 179]. А. Желнов видит в “августе Бродского” как тему смерти, так и “имперский окрас” [10]. Обращаясь к ключевому стихотворению, Э. Безносов отмечает в нем “особую роль сентября” [11, с. 36], чем значительно расширяет поле интерпретации. Продолжим эти наблюдения, актуализируя “календарный” аспект прочтения книги.

“Осенняя” тема многих стихотворений в полном соответствии с мифопоэтической традицией соотносит психологическое состояние человека

¹ В одном из писем брату Пушкин пишет: “Августу мольбы мои несите! но Август смотрит сентябрем” [8, с. 49], обыгрывая эту двойственность в ином ключе, о котором мы скажем позже.

с увяданием, опустошением природы. Естественным образом рождается воспоминание о теплых летних днях (“Он августовский вспомнил день, / как сметывал высокий стог...”); зимнее ненастье вызывает экстатическую апелляцию к минувшему:

“Вернись же, лето. Стог, вернись хоть стог.
Вернись же, лето, что ж ты прочь из мозга
летишь стремглав, вернись хоть ты, росток...”

Поэтические высказывания подобного рода корреспондируют с уже отмеченным мотивом улетевших птиц своею двойственной – буквальной и метафорической – семантикой, вследствие чего могут быть интерпретированы в интересующем нас ключе.

Итак, “во вторник начался сентябрь”. Отмечены не только смена времен года, традиционно соотносимая, как и суточный цикл, с расцветом (молодостью, счастьем) и увяданием (болезнью, горем и т.д.), но и начало нового летоисчисления (с 1492 г. и до петровских реформ с сентября начинался годичный круг, что до сих пор сохраняется в церковном календаре).

Следовательно, в “обратной перспективе” август для лирического героя – месяц счастья, полноты бытия, создаваемой присутствием любимой женщины; естественным поэтическим адекватом такого августа может быть цветаевское стихотворение, написанное в жанре “определения”. Оно не озаглавлено, но построено по тому типу внутритекстовых связей, который получил наименование “веерного”; число лучей такого “веера” равно числу повторяющихся текстовых элементов: “август” – это... “Автор как бы определяет понятие, раскрывая его содержание перечислением отличительных признаков” [12, с. 33].

Август – астры,
Август – звезды,
Август – грозди
Винограда и рябины
Ржавой – август!
<...>
Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных –
Август! – Месяц
Ливней звездных!

[13, с. 98]

Обнажая поэтическую семантику “имперского” имени, Цветаева в единое гармоническое целое сплетает земное и небесное: *astra* – та же “звезда”; человеческое и природное: “поздними” названы и поцелуи, и розы, и молнии. “Безглагольное” стихотворение передает динамику и полноту са-

моосуществления космического бытия, апогеем которого и становится август. “Это время созревания нив <...>, жнитвы, действия серпом и перевозки сжатого хлеба”, – пишет А.Н. Афанасьев [14, с. 425]. Однако это и последний, “поздний” летний месяц; такой смысловой аспект актуализован в одном из “Августов” Ин. Анненского, недаром входящем в “Трилистник осенний”.

Еще горят лучи под сводами дорог,
Но там, между ветвей, все глуше и немее:
Так улыбается бледнеющий игрок,
Ударов жребия считать уже не смея

[15, с. 92].

“Август”, где сквозь “роскошь цветников” “проступает тленье”, переводит лето в осень, перебрасывает между ними мостик, и гипотетически может связывать стихотворения Цветаевой и Бродского.

Таким образом, не являясь прямым объектом изображения, “август” Бродского концентрирует в своей поэтической характеристике существенные для понимания текста смыслы. Поэт использует здесь фигуру умолчания, своеобразный минус-прием, “играя” (как Пушкин в процитированном письме) соотношением имени нарицательного (которое прежде было собственным – мужским) и имени женского, “августа” и “Августы”. Посмотрим, как использовалось подобное переименование до Бродского.

Как известно, имя Август (*лат.* возвеличенный) было присвоено Гаю Октавию, внукатому племяннику Юлия Цезаря, в 27 г. до н.э., после победы при Акциуме и прекращения гражданских войн в Риме (заметим попутно, что битва состоялась 2 сентября 31 г., и с нее начался новый этап истории Рима); полное титулование принцепса звучало как “император Цезарь Август”. Умер Август в 14 г. н.э., в месяце секстилии, в юлианском календаре названном в его честь августом (с 8 г. н.э.). Отсюда – поэтические коннотации месяца как “имперского” (“И – месяц цезарей – мне август улыбнулся” в мандельштамовском “Камне”). “Вторичная семантизация” этого образа происходит, например, у В. Брюсова, прибегнувшего в одноименном стихотворении к олицетворению календарного отрезка времени:

Здравствуй, Август, венчан хмелем,
Смуглый юноша-сатир!

<...>

Пей же с нами чашей целой
Вечно жгучее вино!

<...>

Август милый! отрок смуглый!
Как и мы, ты тоже пьян...

[16, с. 203]

Как видим, торжество урожая на исходе лета воплощено здесь в образе, подобном Вакху/Дионису; названный Августом, он является лишь символом этого природного торжества и может быть соотнесен с римским императором только косвенно.

Н. Заболоцкий в нескольких стихотворениях выстраивает свою “архитектуру Осени”. В “Ночном саде” картина осеннего листопада продолжена аллегорическим образом: “Железный Август в длинных сапогах / Стоял вдали с большой тарелкой дичи”, – очевидно, открывая сезон охоты.

Встречаются и более сложные случаи поэтической интерпретации августа. В цикле Вяч. Иванова «Из “Римского дневника 1944 года”» представлены все месяцы, от “Января” до “Декабря”. Стихотворение “Август” начинается предсказуемо:

В ночь звездопад; днем солнце парит.
Предсмертным пылом пышет Лев.
Спрячь голову: стрелой ударит
Любовь небесная – иль гнев.

Неожиданной в этом контексте кажется вторая строфа, обращенная к А. Белому:

Был небу мил, кто дали мерил
Кометным бегом – и сгорел;
Кто “золотому блеску верил”,
Поэт, – и пал от жарких стрел

[17, с. 315].

Речь идет о смерти, уподобленной сразу и падению Икара, и “огням падучим”, характерным для августа, когда Земля проходит через метеорные потоки, – но почему смерти именно этого поэта (случившейся 8 января 1934 г.)? Видимо, семантическое сближение с августом вызвано самим характером поэзии А. Белого, особенно сборника “Золото в лазури”. Вряд ли дело ограничивается датой написания стихотворения – 2 августа.

Примеры многообразной интерпретации “августовской” темы можно умножать, однако обратим внимание на иное обстоятельство. Существует и женский вариант имени Август – Августа. В Риме императорской эпохи он был сакральным титулом жен императоров, начиная с вдовы Августа Ливии, и таким образом сохранял этимологическое значение слова (“возвеличенная”). Можно полагать, что у Бродского оно так же значимо, как и выявленный нами временной, календарный аспект:

Сентябрь. Ночь. Все общество – свеча.
Но тень еще глядит из-за плеча
в мои листы и роется в корнях
оборванных. И призрак твой в сенях
шуршит и булькает водою,
и улыбается звездою
в распахнутых рывком дверях.

В исследовании В. Семенова *тень* интерпретируется в контексте магистральной темы “растворения в пейзаже”: “В финале стихотворения пишущий стихи герой представлен как органичная часть природы, лесного пейзажа (“Но тень еще глядит из-за плеча...”)” [2, с. 34]. Мы же полагаем, что это *тень* женщины, покинувшей героя, получая, следовательно, еще одно подтверждение нашей версии лирического сюжета. В поэтическом мире разыграна иная ситуация, чем в реальном биографическом времени: автор поместил счастливую встречу в август, подчиняя развитие событий не житейской, а своей художественной логике, в значительной мере основанной на мифопоэтических представлениях. Сделаем в этой связи еще одно допущение.

Лирический сюжет “Стансов” можно было бы обозначить пушкинской формулой: “Прошла любовь, явилась муза, / И прояснился темный ум”. До главы IX включительно лирический герой – еще не поэт; в X главе появляются атрибуты поэтического труда: “Сентябрь. Ночь. Все общество – свеча”, “листы” бумаги; путеводная звезда. “Ты” – Августа исчезла, превратившись в другое “ты” – музу: “Эвтерпа, ты?”. Подобный вопрос уместен только в ситуации встречи, он обращен к увиденному, пусть мельком, объекту. Явление музы происходит в преображенном мире:

Эвтерпа, ты? Куда зашел я, а?
И что здесь подо мной: вода, трава,
отросток лиры вересковой,
изогнутый такой подковой,
что счастье чудится...

Найденная подкова, как известно, сулит счастье: лирический герой – Орфей, потерявший Евридику, – обретает лиру. Далее образ лиры-подковы естественно трансформируется в метафору собственного – неповторимого, *иного* – творчества:

... может быть,
как перейти на иноходь с галопа
так быстро и дыхания не сбить,
не ведаешь ни ты (Эвтерпа. – Н.М.), ни Каллиопа.

Так вот. В стихотворении двенадцать частей (композиционная форма, нечасто встречающаяся у Бродского), и если условно соотнести это деление с годовым циклом, то первая часть обозначает сентябрь, а последняя – август – обретение “счастья” в поэтическом творчестве, преображение мира, новое осуществление полноты бытия. Стансы, таким образом, замыкаются в кольцо.

Выскажем еще одно предположение, связанное с жанровой спецификой анализируемого текста. Форма стансов, итальянская по своему происхождению, была усвоена отечественной словесно-

стью XVIII в. (Сумароков) и нашла воплощение в творчестве Пушкина, Вяземского, Лермонтова, поэтов Серебряного века. Особо значимы “Стансы” в поэтической биографии Мандельштама. Несмотря на недостаточную проясненность признаков жанра в теории литературы, можно полагать, что Бродский очень точно соблюдает сложившиеся правила, согласно которым каждая глава выражает глубокую законченную мысль, а все стихотворение завершается итоговой идеей. Вспомним этимологию слова: *ит.* stanza – комната, помещение, *остановка* (“станция”). Думается, что в обсуждаемом тексте *остановка* составляет важный смысловой аспект. Лирический герой, “захороненный живьем”, находится тем не менее в движении, переданном глаголами “брожу”, “бреду”, “шаг свой не убыстру”, “подошвой по камням стучу” и так далее; этот семантический ряд завершается риторическим вопросом: “Куда зашел я, а?”. В данном случае семантика движения “перекрывается” своей противоположностью – остановкой, фиксирующей ситуацию углубления в себя, размышления, формирования нового кредо: “Вот я стою в распахнутом пальто, / и мир течет в глаза сквозь решето...”. Согласимся с мнением В.А. Пронина, считающего, что “в стансах поэт активнее постигает самого себя, а не адресата стансов” [18]. Это сказано о Байроне, но верно и в отношении Бродского.

Среди русских поэтов, писавших стансы, ближе всех к Бродскому Баратынский. Очевидно, например, сходство “Новых стансов к Августе” и “Осени” Баратынского; достаточно вспомнить, как начинаются оба текста: “И вот сентябрь!” и “Во вторник начался сентябрь”. Такая точка отсчета определяет общность и изображаемой календарной ситуации (у Баратынского также “умолкли птиц живые голоса”), и метафизической проблематики. Человек Баратынского также “бесплодных дебрей созерцатель, / Один с тоской...”. Но обратим внимание на его стансы «В глуши лесов счастлив один...» (1824). В процессе самоопределения герой размышляет о различии “земных судьбин”, решая вопрос о том, как должно относиться к своему уделу, и приходит к выводу: “Всех благ возможных тот достиг, / Кто дух судьбы своей постиг”. В первоначальном варианте этим размышлениям предшествовали еще 4 строфы (снятые в публикации 1827 г.), в которых *мудрец* находит назидательный пример того, как “ошибочные страсти / Вредят сердечной тишине”:

Достиг владычества земли
Счастливец ветренный Октавий;
Достиг, и что ж? – всемирный трон
Покинуть замышляет он

[19, с. 352].

(Заметим, что русский поэт приписывает принцепсу философические побуждения, тогда как в действительности обращение Августа к сенату с просьбой освободить его от делового бремени было проявлением политического лицемерия и расчета.)

Тема бренности земных страстей варьируется в “Оде” 1826 г. (“Ни горы злата и серебра...”). Свое счастье мы должны создать сами, “руководствуясь умом” и “всегда тая в себе самих / Прямой источник благ своих”. В стансах сделанный выбор обеспечивает “самостоянье человека – залог величия его”:

Меня тягчил печалей груз,
Но не упал я перед роком,
Нашел отраду в песнях муз
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел
Облагородить я умел

[19, с. 115].

Есть несомненное сходство этого итога с решением, к которому приходит герой Бродского. Тем самым через антитезу героя и исторического “примера” у Баратынского *тень* Октавия-Августа возникает в подтексте “Новых стансов” Бродского, сюжет которых, как видим, угадывается в лаконичных формулах поэта-предшественника. Обращение к Баратынскому позволяет, таким образом, определить “августовский” архетип не только героини, но и (опосредованно) самого героя: мы получаем коррелирующую пару Август – Август.

«Я просмотрел все эти стихи (адресованные М.Б. – Н.М.) и вдруг увидел, что они поразительным образом выстраиваются в некий сюжет, – говорит Бродский в беседе с С. Волковым. – И мне представляется, что в итоге “Новые стансы к Августе” можно читать, как отдельное произведение» [1, с. 317]. Сюжет, как утверждает автор далее, выстроен по принципу скорее прозаическому, чем поэтическому; действительно, события в их линейной последовательности легко восстанавливаются “за текстом”, образуя художественное целое. Но главное, разумеется, не в событиях как таковых, оно “скрыто” за ними. В литературе о Бродском есть убедительные расшифровки смысла “Новых стансов к Августе”. Например, Д.Л. Лакербай показывает преобразование романтической парадигмы, ее переструктурирование в результате того, что “существование поэта оказывается несуществованием человека, смертью заживо” [20, с. 105]. Л. Панн определяет подводный сюжет книги как “формирование *альтранативы*”, нового “децентрированного”

любовью мировидения [21, с. 61]. Представляется, что описанная нами “августовская” составляющая может позволить взглянуть на этот сюжет и с иной точки зрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2000.
2. Семенов В. Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Дисс. ... д-ра филол. наук. Тарту, 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/534013.html>.
3. Макфадьен Д. Бродский и “Стансы к Августе” Байрона // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. СПб., 1998.
4. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М., 2006.
5. Заболоцкий Н.А. Столбцы и поэмы; стихотворения. М., 1989.
6. Вайль П. Последнее стихотворение Иосифа Бродского // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. СПб., 1998.
7. Ахматова А.А. Сочинения. В 2 т. т. Т. 2 / Сост. М.М. Кралин. М., 1990.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. X. М; Л., 1949.
9. Келебай Е. Поэт в доме ребенка (пролегомены к философии творчества Иосифа Бродского) М., 2000.
10. Желнов А. О последнем стихотворении Иосифа Бродского. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/9/zhel117/html>.
11. Безносков Э. «...Одна великолепная цитата» // Мир Иосифа Бродского. Путеводитель. Сб. статей. СПб., 2003.
12. Корона В.В. Поэзия Анны Ахматовой: поэтика авторитарий. Екатеринбург, 1999.
13. Цветаева М.И. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1980.
14. Афанасьев А.Н. Народные праздники // Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. М., 1988.
15. Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1990.
16. Брюсов В.Я. Избранное. М., 1984.
17. Иванов В.И. Стихотворения и поэмы. Л., 1978 (Библиотека поэта. Малая серия).
18. Пронин В.А. Стансы – завидное постоянство // Теория литературных жанров [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gumer.info/.../Literat/Pronin_index.php.
19. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Л., 1989.
20. Лакербай Д.Л. Ранний Бродский: поэтика и судьба. Иваново, 2000.
21. Панин Л. Альтранатива Иосифа Бродского // Иосиф Бродский и мир: метафизика, античность, современность. СПб., 2000.